

А. А. Сафронов

**КОНФЛИКТ В АКАДЕМИИ НАУК СССР:
В. Л. КОМАРОВ — О. Ю. ШМИДТ — И. В. СТАЛИН
(1941—1942)**

С началом Великой Отечественной войны учреждения Академии наук СССР перестраивали свою работу на военный лад. Главными задачами исследований стали совершенствование вооружений и оказание помощи промышленности в налаживании массового их производства, а также мобилизация ресурсов металла, топлива, электроэнергии и др.

Эти задачи должны были реализовываться в комплексе. Согласно директиве президента Академии наук В. Л. Комарова все вопросы дальнейшей работы Академии наук должны были решаться «исключительно с точки зрения неотложных нужд обороны и неразрывной связи наших исследований с важнейшими запросами народного хозяйства»¹.

На эти сложные проблемы наложился не менее сложный процесс — эвакуация. 2 июля 1941 г. уполномоченным Совета эвакуации по Академии наук был утвержден вице-президент Академии наук О. Ю. Шмидт². В середине июля 1941 г. эвакуация академических учреждений началась. В результате в тылу сформировались два главных научных центра.

Первый, крупнейший из них — в *Казани*. Здесь разместились институты физико-математического, химического, технического профиля с 1884 сотрудниками, в том числе 83 академиками и членами-корреспондентами³, непосредственно работающими на фронт, обеспечивая прогресс военных отраслей промышленности и их продукции.

В августе 1941 г. в Казань эвакуировались вице-президенты Академии наук СССР академики О. Ю. Шмидт и Е. А. Чудаков, чтобы организовать работу президиума АН СССР. С этого времени и до мая 1942 г. Академия официально находилась в Казани.

В сфере ее влияния находилась Академия наук Украинской ССР, эвакуировавшаяся в Уфу вместе с президиумом и 11 институтами, 4 института разместились в Свердловске, Нижнем Тагиле, Копейске и Алма-Ате. Всего прибыло около 500 сотрудников, в том числе 96 академиков и членов-корреспондентов АН Украинской ССР во главе с президентом А. А. Богомольцем, академиком Академии наук СССР⁴.

Второй центр Академии наук СССР начал формироваться в Свердловске. Сюда прибыли преимущественно институты геологического, металлургического, горного профилей, 216 сотрудников, 25 академиком и членом-корреспондентов (в последующем их численность увеличилась до 35)⁵. Основной базой эвакуированных учреждений стали Уральская комплексная экспедиция и Уральский филиал Академии наук⁶. Главной их задачей было обеспечение наращивания ресурсов металлов, топлива, электроэнергии и др. В Свердловск прибыл и президент Академии наук СССР академик В. Л. Комаров⁷.

Сложилась довольно странная ситуация: официальный руководитель оставил свою организацию в чрезвычайных условиях... Причиной, вероятно, следует считать непростые отношения между президентом Академии наук В. Л. Комаровым и вице-президентом О. Ю. Шмидтом.

В. Л. Комаров (1869—1945). Ботаник, академик Российской Академии наук с 1920 г., академик АН СССР с 1925 г., вице-президент (1930—1936), президент (1936—1945), Герой Социалистического труда (1944). Сталинская премия (1941, 1942). Опытный организатор: под его руководством была перестроена деятельность и структура Академии, созданы базы и филиалы в регионах, в том числе на Урале⁸. Академик К. И. Скрябин дал следующую характеристику В. Л. Комарову: «Комаров обладал прекрасным качеством: не только в своей науке, но и в очень отдаленных он правильно оценивал значение того или иного направления»⁹. Еще одно мнение журналистки ТАСС Л. П. Маркеловой (длительное время, еще с довоенной поры, ее «рабочей точкой» был президиум Академии, она была знакома со многими академиками, зачастую присутствовала на заседаниях президиума): «Комаров подчас казался покладистым, может быть, даже флегматичным, но он обладал сильной волей, иногда бывал просто крут»¹⁰.

О. Ю. Шмидт (1891—1956). Академик (1935), вице-президент Академии наук (1939—1942), директор Института теоретической геофизики, один из основателей и главный редактор Большой Советской Энциклопедии. Руководитель полярных экспедиций, Герой Советского Союза (1937), легендарная личность и авторитетный руководитель, в значительной мере авторитарный. По мнению академика М. А. Садовского, был «... смелым, ответственным организатором. Нередко он бывал категоричен в своих решениях и поступках, а это нравилось не всем»¹¹. В разговоре с М. А. Садовским О. Ю. Шмидт высказался о себе так: «Ведь это правда, что я хоть и не такой уж генерал, а иногда не удерживаюсь, чтобы не топнуть ножкой, если что-то мне не по нраву»¹². Возможно, О. Ю. Шмидт считал себя сталинским фаворитом, так же как полярники и летчики...

Отношения В. Л. Комарова и О. Ю. Шмидта не сложились, видимо, еще с 1939 г., когда О. Ю. Шмидт был избран вице-президентом Академии наук. Причины достаточно: извечный «конфликт поколений» (Шмидт был моложе более чем на 20 лет), противоположные типы темперамента, различные личностные самооценки, к тому же бедой В. Л. Комарова была хроническая болезнь — особый вид экземы, связанный с нарушениями обмена веществ. Он мужественно преодолевал приступы, интенсивность работы, естественно, снижалась. В силу своей натуры и своего положения О. Ю. Шмидт брал на себя функции президента, зачастую «не по чину». При этом возникали ситуации несогласованности, конкурентности и конфликтности. И. И. Дуэль писал о том, что В. Л. Комаров постоянно обижался, когда «мелкие вопросы решались без него», а О. Ю. Шмидт «с большим уважением относился к В. Л. Комарову и считал про себя его обиды не более чем чудачеством». (И это называется уважением?) В этом же духе писала и Л. В. Матвеева¹³.

Попробуем разобраться в сути конфликта. В. Л. Комаров на высших постах Академии наук СССР находился 15 лет, с 1930 по 1945 г. Его научная и организаторская деятельность была отмечена серьезными достижениями (даже в период «обид» 1939—1942 гг.). О. Ю. Шмидт успешно провел эвакуацию институтов в Казань, но не смог своевременно разработать план их работы на 1942-й год. Именно В. Л. Комарову пришлось доводить этот план «до ума». При этом в конце 1941 — начале 1942 г. оппонирование О. Ю. Шмидта В. Л. Комарову усиливалось, грозя дезорганизацией работы Академии наук. Конфликт был разрешен И. В. Сталиным: 24 марта 1942 г. он направил телеграмму В. Л. Комарову в Свердловск и копию О. Ю. Шмидту в Казань. В ней он выразил всемерную поддержку В. Л. Комарову и отстранил О. Ю. Шмидта от должности¹⁴.

И. И. Дуэль вспоминал: «Сейчас трудно проследить всю цепочку событий более чем 30-летней давности (книга вышла в 70-х гг. — А. С.). Одно известно вполне определенно: в апреле 1942 г. (на самом деле в марте 1942 г. — А. С.) в Казань пришла срочная телеграмма, которая вполне ясно и недвусмысленно требовала отставки Шмидта»¹⁵.

Постараемся восстановить эту цепочку событий.

Начавшаяся война дала В. Л. Комарову и О. Ю. Шмидту возможность «разъехаться». О. Ю. Шмидт, как уполномоченный по эвакуации, отправил «стариков» Академии в Боровое (Казахстан), среди них и В. Л. Комарова — как «простого» академика. В дневнике В. И. Вернадского зафиксирована дата отъезда первой группы: «16 июля 1941 г. Сегодня едем в Боровое»¹⁶. Вместе с ним эвакуировались Н. Д. Зелинский, А. Н. Крылов, А. Е. Фаворский и др.¹⁷ Еще одна запись В. И. Вернадского в дневнике от 29 июля 1941 г.: «Боровое. Получена телеграмма о выезде

сюда академиком В. Л. Комарова, А. П. Баха, В. А. Обручева, С. Н. Чаплыгина»¹⁸.

В. Л. Комаров воспринял эвакуацию не только как ссылку, но и как шанс освободиться от О. Ю. Шмидта. И направился он не в Боровое, а в Свердловск — крупнейший научный и промышленный центр к востоку от Москвы. Возможно, такое решение было принято им еще в Москве. Безусловно, это было гражданским подвигом пожилого и не совсем здорового человека.

Появление президента Академии наук СССР в Свердловске стало большим событием, о чем так пишут историки. Л. П. Маркелова: «...[Комаров] сделал остановку [в Свердловске] и через три дня сказал сопровождающим: “Я принял решение остаться на Урале. Это обдуманное решение и менять его я не буду”¹⁹. Вместе с В. Л. Комаровым остался и активно работал академик В. А. Обручев²⁰. Л. Д. Шевяков вспоминает: «В конце июля приехал Комаров... у него возникла мысль об объединении академических и других сил на Урале для помощи оборонной промышленности»²¹. Б. В. Левшин пишет: «[В.Л.Комаров] ...остановился на Урале и, отлично понимая значение этого района в войне, обратился в правительство с просьбой оставить его на Урале для организации работы по мобилизации природных ресурсов...»²²

И. С. Пустовалов, секретарь Свердловского обкома, писал в марте 1942 г.: «В первых числах августа 1941 г. В. Л. Комаров... решил остаться в Свердловске. Здесь он столкнулся с настоятельными нуждами уральской промышленности, с требованиями хозяйственников, адресованными научным учреждениям. В это время заводы в большом числе эвакуировались на Урал, местные заводы получали оборонные заказы, требовались дополнительные сырьевые, в особенности рудные и топливные, ресурсы. Комаров решил помочь обороне и производству... организовав здесь Комиссию по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны»²³. В воспоминаниях И. С. Пустовалова находим и главное: «Комаров... заявил, что организует в Свердловске основной центр Академии наук СССР»²⁴.

Таков общий замысел В. Л. Комарова: посредством труднейшей и результативной работы по превращению Урала в «опорный край державы» восстановить на деле статус президента Академии наук СССР. Кроме того, В. Л. Комаров убедился, что весь комплекс сложных проблем уральской промышленности может решить особая организация, объединившая науку, производство и власть. В августе 1941 г. он провел серию встреч, бесед с уральскими и эвакуированными учеными. Создавалась команда единомышленников, определялись ее задачи.

Первое объединенное собрание состоялось в конце августа 1941 г. По итогам его работы был принят Протокол совещания научных работ-

ников Академии наук СССР совместно с представителями промышленных наркоматов и свердловских организаций от 30 августа 1941 г.²⁵ Председательствовал В. Л. Комаров, присутствовали академики В. А. Обручев, Э. В. Брицке, Л. Д. Шевяков, А. А. Скочинский, заместитель наркома цветной металлургии СССР П. Я. Антропов, секретари Свердловского обкома И. С. Пустовалов и А. И. Быков, ответственные работники наркоматов черной и цветной металлургии, профессора Н. Н. Колосовский, Б. Г. Кузнецов, Г. И. Чуфаров и др., (всего 39 человек). По докладу В. Л. Комарова была принята резолюция:

1. Всемерно поддержать инициативу президента Академии наук в организации Комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала для нужд обороны.

2. Установить основные направления работы комиссии в области черной и цветной металлургии, нерудных ископаемых, энергетики, транспорта и сельского хозяйства.

3. В связи с немедленным началом работ создать группы исполнителей по направлениям и разработать план их деятельности к 10 сентября.

По стилю этот документ приближается к военному приказу. И в самом деле: на войне, как на войне!

После этого собрания В. Л. Комаров обратился к правительству за поддержкой и 7 сентября 1941 г. получил правительственную телеграмму, подписанную В. М. Молотовым и Н. М. Шверником: «Свердловск. Президенту Академии наук академику Комарову. Всячески приветствуем Вашу инициативу в мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Готовы оказать Вам поддержку в этом. Желаем здоровья»²⁶. Тон телеграммы весьма дружественный, можно сказать, сердечный. Очевидно, в правительстве знали о недуге В. Л. Комарова, возможно, знали и о подробностях его «эвакуации» и теперь, задним числом, укрепляли его позиции и, может быть, давали «знак» О. Ю. Шмидту.

К началу сентября в Свердловске сосредоточились значительные научные силы. Это стало предпосылкой успешного развертывания работ, и 10 сентября 1942 г. выходит Распоряжение президента АН СССР академика В. Л. Комарова по Совету по изучению производительных сил АН СССР. Главное в нем — организация на базе Уральской экспедиции Комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала под председательством самого Комарова в следующем составе: заместители — академики И. П. Бардин, Э. В. Брицке, С. Г. Струмилин, 12 академиков, в т. ч. вице-президенты Академии наук О. Ю. Шмидт, Е. А. Чудаков, В. А. Обручев, А. Н. Бах, А. Е. Ферсман, А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков и др. Среди них металлурги, горняки, геологи, ботаники, биохимики, электротехники. В состав Комиссии также вошли: И. Л. Митраков (пред-

седатель Свердловского облисполкома, И. С. Пустовалов (секретарь Свердловского обкома партии), П. Я. Антропов (зам. наркома цветной металлургии), П. И. Коробов (зам. наркома черной металлургии), М. А. Андреев (уполномоченный Госплана на Урале), С. В. Горюнов (зам. председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР). Как видим, серьезное представительство власти и промышленности. Всего в центральной группе 22 человека.

Комиссия состояла из 5 групп: 1) черная металлургия (руководитель академик Э. В. Брицке); 2) цветная металлургия (П. Я. Антропов); 3) нерудные ископаемые (проф. Р. Л. Певзнер); 4) транспортно-энергетическая (проф. Н. Н. Колосовский); 5) сельскохозяйственная (академик Л. И. Прасолов). В каждой группе несколько академиков, представители соответствующих наркоматов и отраслевые секретари Свердловского обкома. Каждая группа могла работать самостоятельно. Общая численность комиссии — 108 человек, академики, как правило, участвовали в работе нескольких групп.

Руководителям групп предписывалось к 15 сентября представить в Комиссию планы работ групп на период до 1 января 1942 г., к 17 сентября подготовить и представить сводный план работ и смету расходов Комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала²⁷. В это же время В. Л. Комаров через бюджетную комиссию Академии наук решил вопрос о смете и штатах комиссии и о ее финансировании²⁸.

Уже к 23 сентября был подготовлен План работ Комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала (до 1 января 1942 г.)²⁹. В группах по направлениям были созданы уже 38 бригад, в которых насчитывалось 178 человек. Бригады получили конкретные задания и сроки их исполнения. Главная цель коллектива — дать научную оценку потенциала базовых отраслей Урала и определить мероприятия по их интенсификации.

Одновременно развернулась работа над главным планом мобилизации экономики Урала на 1942 г. Объединив лучшие силы ученых и специалистов, эвакуированных и местных, опираясь на поддержку партийных и советских органов Свердловской области и наркоматов, Комиссия Комарова в ноябре 1941 г. подготовила научно-обоснованный доклад правительству «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны»³⁰. Это была развернутая программа комплексного развития базовых отраслей главного промышленного региона страны. В значительной мере она должна была реализовываться на основе использования эвакуированных работников и оборудования Юга и Центра.

Весьма важно и то, что В. Л. Комаров и вся комиссия работали в режиме благоприятствия, который был создан руководством Свердловского обкома. Как ни было трудно с жильем и снабжением, проблемы решались. Обком контролировал реализацию решений Комиссии, его работ-

ники выезжали с бригадами на места. По словам И. С. Пустовалова, В. Л. Комаров неоднократно высоко оценивал помощь обкома партии³¹.

Представить план правительству В. Л. Комаров поручил академику И. П. Бардину. В начале декабря 1941 г. он выступил на президиуме Академии наук в Казани. Президиум признал выдающееся значение работы, проделанной под руководством В. Л. Комарова, и выразил благодарность основным ее работникам³². Затем И. П. Бардин доложил о плане уполномоченному ГКО по науке С. В. Кафтанову в Научно-техническом Совете, после в Куйбышеве В. М. Молотову, который одобрил план и направил И. П. Бардина в Москву, к Сталину. Сталин дал высокую оценку плану. Бардину предложили отправиться на Урал и осуществлять работу по мобилизации ресурсов. В. М. Молотов направил В. Л. Комарову телеграмму с одобрением работ³³. 12 декабря стало известно о разгроме немцев под Москвой, и И. П. Бардин уезжал уже с другим настроением, чем по приезду.

Теперь о работе Академии наук в Казани. О. Ю. Шмидт проделал значительную работу по приему и размещению эвакуированных институтов. Проблемы, связанные с эвакуацией, были решены к сентябрю 1941 г., переход институтов на оборонную тематику был завершён в ноябре 1941 г.³⁴

В августе — сентябре 1941 г. под руководством Шмидта был разработан первый план работы казанских институтов в условиях войны³⁵. 11 сентября 1941 г. бюро Татарского обкома рассмотрело вопрос о работах на оборону с приглашением О. Ю. Шмидта, А. Е. Чудакова, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенова. По итогам заседания решением президиума Академии наук и Татарского обкома была создана тематическая комиссия для совершенствования планирования оборонных работ (ср. на Урале — Комиссия по мобилизации). В нее вошли ведущие ученые Академии наук. Комиссия рассматривала вопросы, выдвигаемые научно-техническим управлением Наркомата обороны и давала рекомендации о применении научных разработок в обороне или в народном хозяйстве. Таким образом, эта комиссия была всего лишь передаточным механизмом между Наркоматом обороны и Академией наук и не имела никаких властных полномочий³⁶.

Комиссия еще не закончила работу, как О. Ю. Шмидт в конце сентября 1941 г. был вызван в Москву (или сам «вызвался»), чтобы опередить В. Л. Комарова или хотя бы не отстать, поскольку 10 сентября Комиссия Комарова уже создана, сформирована ее структура, а 23 сентября (!) принят план работ до 1 января 1942 г.). Шмидт доложил план работы академических учреждений Казани уполномоченному ГКО по науке С. В. Кафтанову. Он обсуждался в Научно-техническом совете, был

одобрен, Совет поручил своим секциям рассмотреть план, «затем доложить Совету народных комиссаров и ЦК ВКП(б)»³⁷.

Составление плана было существенным шагом в перестройке работы на войну. Однако в нем имелись существенные недостатки. Наиболее серьезным было недостаточное внимание к научно-техническим мероприятиям по увеличению производства в решающих отраслях промышленности. Отсутствовал комплекс проблем по расширению сырьевых, технологических, транспортных и энергетических ресурсов. План не был предварительно проработан с оборонными наркоматами, вследствие чего часть институтов не была привлечена к общей работе. Значительное число тем не имело развернутых тактико-технических требований. Некоторые темы могли выполняться в отраслевых, а не в академических институтах³⁸.

По всей видимости, реальные дела многих институтов О. Ю. Шмидту не были известны. План создавался в спешке, без должного обоснования и потому был оторван от жизни. Это скорее не государственный документ, а кабинетный. С ним явиться в Совнарком СССР было «смерти подобно».

Можно предположить, что у Кафтanova со Шмидтом состоялся серьезный разговор. На эту мысль наталкивают последующие события в Казани. С 30 сентября по 2 октября 1941 г. тематика научных исследований институтов была подвергнута обсуждению на расширенном заседании президиума АН СССР. В постановлении президиума отмечалось, что «институтами Академии наук произведен пересмотр тематики своих работ применительно к нуждам обороны»³⁹. Три дня (время заседания президиума) — это стиль работы О. Ю. Шмидта. За такой срок подлинных изменений в тематике произойти не могло. В октябре — ноябре 1941 г. в Казани было проведено несколько мероприятий по пересмотру тематики: партийно-хозяйственный актив, на котором выступал О. Ю. Шмидт, общее партийное собрание казанских учреждений Академии наук, объединенный пленум Татарского обкома и Казанского горкома и т. п.⁴⁰

В Академии наук решено было создать Отдел специальных работ во главе с М. А. Садовским (впоследствии академиком), который должен был вовремя передавать разработки институтов военным. «Нельзя сказать, что в этой области АН СССР имела большие успехи. Конечно, были крупные проблемы, выполнявшиеся по специальным заданиям Правительства, проходившие помимо Отдела спецработ», — отмечал впоследствии Садовский⁴¹. Естественно, секретность затрудняла планирование работ. В конце октября — начале ноября 1941 г. тематическая комиссия рассмотрела и утвердила планы работ ведущих институтов, эвакуированных в Казань⁴². Но институты Академии наук располагались и в других городах Поволжья, поэтому работа продолжалась до начала 1942 г.

Сравним организацию работ в Свердловске и в Казани. У В. Л. Комарова — последовательность, системность на каждом этапе и отчет о результатах каждого этапа. У О. Ю. Шмидта эти основополагающие правила отсутствовали, вместо них — неоправданная спешка или запаздывание с планом, к тому же — слабая связь с наркоматами.

Важно отметить, что планы научных работ на 1942 г. должны были составляться с учетом директивных указаний Госплана СССР от 5 ноября 1941 г. «с таким расчетом, чтобы в них были полностью отражены вопросы обороны и народного хозяйства»⁴³. Но, как показали события, и Госплан О. Ю. Шмидту был не указ.

Сразу же после получения телеграммы Сталина 24 марта 1942 г., в которой была выражена всемерная поддержка Комарову (в тот же день), секретарь Свердловского обкома партии И. С. Пустовалов осмелился направить Г. Ф. Александрову, начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) письмо на 7 страницах, посвященное нескольким важным проблемам, в том числе неблагоприятному поведению О. Ю. Шмидта и его сторонников по отношению к В. Л. Комарову. Предать огласке эти действия раньше И. С. Пустовалов, очевидно, опасался. Он

писал: «Я хочу информировать Вас о следующих фактах, приобретших важное значение в связи с телеграммой товарища Сталина»⁴⁴.

И. С. Пустовалов как активный участник Комиссии Комарова привел важные сведения о ее создании и деятельности, а также о кампании против В. Л. Комарова — похоже, спланированной. В Казани создавалось «общественное мнение», что Комарову пора на покой. В Свердловске это мнение активно насаждал среди геологов академик А. Е. Ферсман, который называл Комарова в близком окружении не иначе как «живыми мощами», настоятельно предлагая помощникам президента уговорить его уехать в Боровое, якобы потому, что иначе «Шмидт сгноит вас в тюрьме». Неоднократно В. Л. Комаров выражал недовольство тем, что академик В. П. Никитин, уполномоченный президиума в Москве, вызывал в Москву ближайших помощников президента. Вызовы, к тому же без особой надобности, дезорганизовывали работу в Свердловске⁴⁵.

В декабре 1941 г. О. Ю. Шмидт посетил В. Л. Комарова. В письме И. В. Сталину 25 марта 1942 г. он сообщал: «В конце года я поехал к Комарову в Свердловск. В течение нескольких дней я подробно докладывал о ходе дела в Академии наук и получил полное его одобрение. Расстались мы очень сердечно»⁴⁶. Инициатором «антикомаровской» кампании мог быть только О. Ю. Шмидт. И что означало слово «сердечность» в этом контексте?

После этого визита произошли чрезвычайные события. В книге Л. В. Матвеевой читаем: «Вскоре по приезде в Казань О. Ю. Шмидт

узнал, что В. Л. Комаров написал письмо Сталину, оскорбленный тем, что план основных научно-исследовательских работ Академии на первое полугодие 1942 г. не был ему доставлен в Свердловск. Тем самым якобы О. Ю. Шмидт игнорировал президента и отстранил его от работы. Сталин прислал О. Ю. Шмидту телеграмму⁴⁷ об отстранении его от должности.

На самом деле события складывались иначе. Комаров по правилам субординации в начале декабря 1941 г. направил И. П. Бардина в Казань доложить президиуму Академии наук план Комиссии Комарова на 1942 г. Шмидт как вице-президент по тем же правилам обязан был направить президенту казанский план, мог доставить и лично. Если бы В. Л. Комаров в самом деле направил письмо И. В. Сталину и Сталин узнал о «расколе Казани и Свердловска», санкции последовали бы немедленно. На деле они произошли в конце марта 1942 г. и совсем по другому поводу.

Книга Л. В. Матвеевой вышла в 1993 г. В ней впервые полностью опубликована телеграмма И. В. Сталина от 24 марта 1942 г., а также письмо Шмидта Сталину от 25 марта. Письмо Комарова не секретно. Где же оно? Было бы интересно его почитать, но писать такие письма — не в стиле Комарова.

Как уже отмечалось, в декабре 1941 г. президиум Академии наук в Казани заслушал доклад академика И. П. Бардина о плане Комиссии Комарова на 1942 г. и признал его выдающимся документом. Но этому плану не дали естественного «хода по инстанции», т. е. не передали в Госплан СССР⁴⁸. Тем самым О. Ю. Шмидт допустил должностное нарушение государственного масштаба, т. е. преступление. Произошел сбой административного механизма на высшем уровне. В результате план работ Академии наук на 1942 г. был утвержден только в мае 1942 г.

В начале марта 1942 г. председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский прислал В. Л. Комарову на заключение план Академии наук на текущий год. Чтобы дать заключение, В. Л. Комаров создал комиссию, включив в нее находившихся в Свердловске академиков. Оказалось, в плане Академии наук полностью отсутствовал материал «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны!» В. Л. Комаров включил его в план Академии⁴⁹. Кроме того, он дал критические замечания по плану О. Ю. Шмидта: «в плане нет работ, которые... завершили бы исследование предыдущих лет, именно они могли бы дать немедленный эффект. В то же время в план были включены исследования, которые могли бы дать результаты через несколько лет». Документ был направлен на имя Н. А. Вознесенского 14 марта 1942 г.⁵⁰ Таким образом, только во второй половине марта 1942 г. в правительстве стало ясно, что О. Ю. Шмидт фактически срывает работу Академии наук.

Далее последовала телеграмма И. В. Сталина. Приведем ее полный текст.

Свердловск. Президенту Академии наук Комарову В. Л., копия Казань вице-президенту Академии наук О. Ю. Шмидту. Совнарком СССР стало известно, что представленный Правительству вице-президентом Академии наук Ю. О. Шмидтом план основных научно-исследовательских работ Академии наук на первую половину 1942 г. не был известен президенту Академии наук, и президент был лишен возможности предварительно ознакомиться с этим планом. Многие академики также были лишены этой возможности. Таким образом, со стороны вице-президента О. Ю. Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения президента от руководства Академией наук. Совнарком считает такое положение нетерпимым, а поведение О. Ю. Шмидта – дезорганизующим работу Академии наук. Ввиду изложенных обстоятельств Совнарком СССР решил отстранить О. Ю. Шмидта от обязанностей вице-президента и исключить его из состава Президиума Академии наук. Доволя об этом до вашего сведения, я выражаю уверенность, что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность Академии наук будет развиваться в ногу с возросшими потребностями страны и Президиум Академии наук под Вашим руководством сделает все необходимое для осуществления стоящих перед Академией наук задач.

Председатель Совнаркома И. Сталин. 24 марта 1942 г.⁵¹

Телеграмма расставила всё и вся по местам. Вторая часть телеграммы со слов «несмотря на трудные условия» стала известной и неоднократно публиковалась в годы войны и после нее. Полностью телеграмма опубликована в монографии Л. В. Матвеевой⁵².

По получении телеграммы Сталина Шмидт направил ему письмо. Начало письма следует процитировать: «25 марта 1942 г. я получил вашу телеграмму об отстранении меня от должности вице-президента Академии наук и тотчас же сдал дела вице-президенту Е. А. Чудакову. Я пишу не для того, чтобы оправдаться, так как я действительно целиком виноват и решение Совнаркома после моей коренной ошибки (фактически это не ошибка, а преступление. — А. С.) совершенно естественное и неизбежное»⁵³.

Далее О. Ю. Шмидт писал о болезни В. Л. Комарова, о переходе дел от президента к вице-президентам, о том что он (О. Ю. Шмидт) ничего не решал единолично, о неожиданном переезде В. Л. Комарова в Свердловск, о поездке Шмидта в Свердловск. Как видим, большая часть письма не что иное, как продолжение борьбы с Комаровым.

Рассмотрим эти события с точки зрения «казанцев». Происшедшее интерпретировал в воспоминаниях участник тех событий М. А. Садовский. Для него О. Ю. Шмидт на всю жизнь остался кумиром, к тому же М. А. Садовский абсолютно не владел информацией. И поэтому в своих воспоминаниях он защищает Шмидта. М. А. Садовский делал упор на болезнь В. Л. Комарова и единоличное руководство Академией наук О. Ю. Шмидтом. Подчеркивал, что «казанская группа была много мощнее свердловской и работала успешнее. Это вызывало неудовольствие свердловчан...». Из окружения В. Л. Комарова, из «комарильи», как острили в Казани, он не знал ни одного достойного человека (?!). Эти люди якобы сумели собрать в Свердловске материалы, доказывавшие стремление О. Ю. Шмидта к подмене президента и добились решения партийных и правительственных кругов в Свердловске, осудившего О. Ю. Шмидта. На партийном собрании в Казани он признал многие свои «грехи»: недостаток самокритичности, стремление к власти и т. п. Слушали его внимательно и с нескрываемым сочувствием. В целом О. Ю. Шмидт считал решение правильным⁵⁴.

М. А. Садовский дал такую характеристику президенту Академии наук. «В. Л. Комаров. Не проявил себя по возрасту и болезням. “Комарилья”. Один из ее деятелей, искренне старавшийся принести пользу»⁵⁵. По всему, Шмидт и Садовский недооценили Комарова.

В. Л. Комаров в конце 1941 — начале 1942 г. размышлял о будущем Академии наук, и прежде всего о плане ее работ. В общих чертах план был изложен И. С. Пустоваловым в известном уже письме Г. Ф. Александрову от 24 марта 1942 г. и заключался в следующем: создание и усовершенствование боевых технических средств Красной армии и Военно-морского флота, выработка технологических схем для расширения и ускорения выпуска продукции для победы, мобилизация ресурсов восточных районов СССР, восстановление западных и южных районов, идеологическая борьба против фашизма.

Предполагалось обсудить план на сессии Академии наук; кроме того, заслушать на ней доклады: о фашизме как враге культуры и науки, о истории Великой Отечественной войны, о мобилизации ресурсов восточных районов, физика и война.

Далее президент решил переизбрать президиум Академии наук, так как полномочия действовавшего истекли. В. Л. Комаров полагал провести сессию в конце апреля 1942 г. Обком партии поддержал его: «Мы рады обеспечить созыв сессии и пребывание академиков в Свердловске».

И. С. Пустовалов предложил несколько мероприятий, которые подчеркнули бы заслугу В. Л. Комарова в создании плана работ Академии наук на 1942 г.:

- 1) опубликовать передовую статью в «Правде» о науке в связи с телеграммой Сталина;
- 2) создать цикл сводок Совинформбюро о деятельности крупнейших ученых;
- 3) еще в январе 1942 г. академики А. А. Байков и В. А. Обручев предложили присвоить основным создателям плана развития хозяйства Урала на 1942 г. Государственную премию, и И. С. Пустовалов от имени обкома партии эту инициативу поддержал⁵⁶.

В апреле — начале мая 1942 г. в Свердловске произошли три важнейших события. 10 апреля 1942 г. советское правительство присудило Государственную премию за работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» академикам В. Л. Комарову, Э. В. Брицке, В. Н. Образцову, С. Г. Струмилину, Л. Д. Шевякову, членам-корреспондентам АН СССР В. И. Вейцу, Д. М. Чижикову, профессорам Н. Н. Колосовскому, В. И. Козлову, Б. Г. Кузнецову, Р. Л. Певзнеру, А. Е. Пробсту, научным сотрудникам В. М. Гальперину, М. К. Расцветаеву, В. В. Рикману, Б. А. Гуревичу, И. А. Дорошеву, М. А. Стекольникову⁵⁷.

По этому поводу в Свердловске 13 апреля 1942 г. состоялось собрание интеллигенции «О текущем моменте и задачах советской интеллигенции». Лауреат Государственной премии академик Л. Д. Шевяков, в частности, сказал: «Есть два слова, которые для ученого являются сочетанием многозначительным: наука и отечество. Деятельность ученых в СССР носит массовый характер». Лауреат, академик В. Н. Образцов зачитал приветствие В. Л. Комарова, который, в частности, писал: «Наша наука пошла навстречу нашей жизни... Мы объединились при развитии уральской экономики во всех отношениях, академики и производственники. Ко мне стали прислушиваться металлурги, я — к металлургам»⁵⁸.

В начале апреля 1942 г. сфера деятельности Комиссии Комарова была распространена на Западную Сибирь и Казахстан, и она стала называться Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. 12 апреля 1942 г. академик В. Л. Комаров получил правительственную телеграмму: «Правительство с удовлетворением принимает Ваши предложения о всемерном развертывании деятельности научных учреждений Академии наук... Правительство Советского Союза выражает уверенность в том, что в суровое время Великой Отечественной войны советского народа против немецких оккупантов Академия наук, возглавляемая Вами, с честью выполнит свой патриотический долг перед Родиной»⁵⁹.

Настолько большое значение придавалось трудам комиссии, что исследования по расширению ресурсов стратегического сырья обсуждались

на общем собрании Академии наук 7 мая 1942 г. в Свердловске. Собрание передало комиссию в ведение высшего органа Академии наук (ее общего собрания) и избрало комиссию из 69 человек, в том числе из 32 академиков и одного члена-корреспондента. Общее собрание отметило, что Комиссия по мобилизации ресурсов представляет собой новую форму организации коллективной и комплексной научной работы и ее объединения с практикой — форму, имеющую первостепенное значение. В 1942 г. в работах комиссии участвовало около 60 научных учреждений и свыше 800 работников. Комиссия была тесно связана с девятью наркоматами, и особенно Госпланом СССР, а также с руководящими органами Свердловской, Челябинской, Молотовской, Новосибирской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей. Из ведомственных институтов в работе комиссии наиболее активно участвовали Уральский индустриальный, Уральский горный, Уральский лесотехнический⁶⁰.

В конце 1942 г. были подведены итоги соревнования академических учреждений. В числе других была присуждена премия лаборатории кристаллографии и Институту геологических наук вместе с уральской комплексной экспедицией. Комиссия Комарова была отмечена Красным Знаменем и премией⁶¹.

По свидетельству академика В. В. Костюка, «по объему и сложности научных и практических задач и по количеству специалистов, участвовавших в их решении, наиболее масштабной оказалась работа Комиссии по мобилизации ресурсов Урала. Именно ею были разработаны методы и определены организационные формы, которые впоследствии использовались в районах Западной Сибири, Казахстана и Поволжья»⁶².

В годы войны ученые и геологи провели масштабные изыскательные работы по выявлению стратегического сырья, без которого невозможно военное производство. Если запасы рудного сырья на 1 января 1941 г. принять за 100 %, то на 1 января 1945 г. они составляли: по железным рудам — 140 %, марганцу — 200 %, хромитам — 140 %, кварцитам — 300 %⁶³.

Важнейшим событием в жизни страны и Свердловска явилось общее собрание Академии наук СССР 3—8 мая 1942 г., участниками которого стали 69 академиков и 40 членов-корреспондентов. Собрание провело важные изменения в организации Академии наук в духе размышлений В. Л. Комарова января—марта 1942 г. Президиум Академии был переведен из Казани в Свердловск. Для оперативного руководства академическими учреждениями вместо двух было избрано шесть вице-президентов Академии наук. Это были ведущие ученые страны академики И. П. Бардин, А. А. Байков, А. А. Богомолец, В. П. Волгин, А. Ф. Иоффе и Л. А. Орбели. Руководство казанской группой институтов осуществля-

ли А. Ф. Иоффе и Л. А. Орбели. В докладе В. Л. Комарова о плане работ на 1942 г. были поставлены задачи по развитию базовых отраслей промышленности, усовершенствованию технологии производства вооружений и при этом — продолжение фундаментальных исследований. После широкого обсуждения плана собрание утвердило его⁶⁴.

В плане ставились задачи также и перед обществоведами, которые были призваны дать ответы на важнейшие вопросы современности. На открытых заседаниях были заслушаны доклады Г. Ф. Александрова («Отечественная война советского народа и задачи общественных наук»), И. И. Минца («Исторические документы Великой Отечественной войны»), Е. В. Тарле («Тевтонский орден и его «наследники»)⁶⁵. Перед историками же ставилась важнейшая задача — написать *историю Великой Отечественной войны*. В 1942 г. при президиуме Академии наук была учреждена комиссия по истории Отечественной войны. Она приступила к сбору и систематизации материала. Учитывая важную роль Урала в войне, президиум Академии принял решение о создании уральского филиала этой комиссии под председательством вице-президента Академии академика В. П. Волгина, который стал прототипом республиканских и областных комиссий⁶⁶.

Общее собрание Академии наук решало главные проблемы страны и науки. Академик Л. Д. Шевяков писал, что значение собрания «огромно и в смысле объединения академических сил... И в отношении выявления генеральной линии работы Академии»⁶⁷. Оно окончательно оздоровило ситуацию в руководстве Академии наук. Свердловск по праву стал основным центром советской науки, как и предвидел В. Л. Комаров в августе 1941 г.

Участник общего собрания академик А. М. Терпигорев, который помнил еще старый Екатеринбург, вспоминал, что в 1941 г. «Свердловск был настоящий социалистический город, неизмеримо выросший за годы пятилеток. На несколько километров тянется в нем центральная улица Ленина, соединяющая поселок Верх-Исетского завода с научным и учебным городком, так и называемым — Втузгородком»⁶⁸. Академик И. И. Артоболевский вспоминал: «Свердловск нас встретил очень гостеприимно... Было странно видеть Свердловск, весь в огнях, в магазинах которого кое-что даже можно было купить, например, почему-то, кофе, которого мы давно не видели в Москве. Питали нас необычайно обильно и вкусно»⁶⁹. (Хозяева постарались, конечно — не без помощи правительства).

Интересный источник — отзывы участников общего собрания по поводу обслуживания в гостинице «Большой Урал», которые (на бланках гостиницы) ее директор переслал первому секретарю Свердловского обкома В. М. Андрианову. В списках всего 39 человек, некоторые фамилии

искажены, некоторые неразборчивы. Первый отзыв В. Л. Комарова — сугубо благодарный и благожелательный. Академик М. А. Павлов: «Очень хорошее обслуживание и состояние номера». Академик Л. Ф. Верещагин: «Был осенью 1941 г. и в мае 1942 г. — бесконечно благодарен». Член-корреспондент В. П. Бушинский: «Пребывал в гостинице с 30 апреля по 9 мая — как дома» и др.⁷⁰

В ноябре 1942 г. страна отмечала 25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В Свердловске 15—18 ноября была проведена сессия Академии наук, посвященная этой дате. Сессию открывал В. Л. Комаров. По свидетельству академика К. И. Скрябина, «выглядел он ужасно, но, несмотря на тяжелое самочувствие, говорил хорошо, просто и проникновенно»⁷¹. В. Л. Комаров говорил о развитии отечественной науки, о патриотизме советских ученых.

С докладами выступили также Е. М. Ярославский («Место и значение Великой Октябрьской социалистической революции в истории человечества»), Г. Ф. Александров («25-летие Великой Октябрьской социалистической революции и Отечественная война советского народа»), М. Б. Митин («О развитии философских наук СССР за 25 лет»), А. Н. Толстой («Советская литература за 25 лет») и др.⁷² 17 ноября начались заседания отделений Академии наук, в том числе отделения истории и философии. Были подведены итоги развития археологии, востоковедения, истории Советского государства, изучения истории русского языка, советской литературы. Сессия продемонстрировала жизнеспособность, активность общественных наук в условиях войны⁷³.

В марте 1943 г. началась реэвакуация академических учреждений в Москву. К октябрю их возвратилось уже более 60, в том числе уехали члены президиума Академии наук. К концу 1943 г. этот процесс завершился. Реэвакуация Академии наук Украины проходила с августа 1943 по июнь 1944 г.⁷⁴

Эти важнейшие события были отражены академиком Л. Д. Шевяковым в дневнике: «В Свердловске 15 сентября происходило последнее на Урале заседание бюро комиссии по мобилизации ресурсов... точнее сказать, небольшой части этого бюро, так как основная масса его состава была уже в Москве... После официального закрытия заседания участники его еще довольно долго обменивались мнениями и воспоминаниями о работе комиссии и разошлись не без некоторой грусти, чувствуя, что закончился некий период совместной, исторически важной работы»⁷⁵.

В сентябре 1943 г. в Москве произошло знаменательное событие — общее собрание Академии наук. Открывая его, В. Л. Комаров сказал: «Я рад, что выраженная мною на предыдущей сессии Академии наук в Свердловске уверенность, что наша очередная сессия будет созвана в родной Москве, претворилась в жизнь»⁷⁶.

В. Л. Комаров обосновал главные задачи Академии наук: дальнейшая мобилизация вооружений и ресурсов, восстановление хозяйства освобожденных районов, определение перспектив развития советской науки.

В октябре 1944 г. научная общественность СССР отметила 75-летие со дня рождения и 50-летие творческой деятельности В. Л. Комарова. 13 октября 1944 г. «за выдающиеся научные заслуги, в особенности в области ботаники, важные заслуги организации советских научных учреждений» В. Л. Комарову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Состоявшаяся в октябре 1944 г. сессия общего собрания Академии наук чествовала президента⁷⁷. На этой сессии обсуждалась программа больших научных работ. В ноябре 1944 г. И. В. Сталин принял В. Л. Комарова у себя, разговор шел о всемерном развертывании фундаментальных исследований⁷⁸.

В июне—июле 1945 г. в Москве и Ленинграде прошла юбилейная научная сессия, посвященная 220-летию Академии наук СССР. В торжествах участвовали более 1200 советских ученых и 123 иностранных из 16 стран. Иностранные ученые расценивали эту сессию как первый после войны международный форум ученых⁷⁹.

Президент Академии наук В. Л. Комаров в речи на торжественном заседании, в частности, сказал: «За всю свою полувековую научную деятельность я не испытывал такого глубокого нравственного удовлетворения, как в работе по мобилизации неисчерпаемых ресурсов нашей великой страны на дело обороны. Никогда еще не было в среде ученых такого великого творческого порыва. Он охватил все области советской науки. ...Мы гордимся тем, что своей работой оказали посильную помощь нашим героическим Красной армии и Военно-морскому флоту, разгромившим немецко-фашистских захватчиков»⁸⁰.

Вскоре после этих торжеств В. Л. Комаров подал прошение об отставке. Болезнь прогрессировала. Академик К. И. Скрябин оставил в дневнике небольшую запись, полную сочувствия и сострадания: «Думал о Владимире Леонтьевиче. Большой ученый, прекрасный организатор. И никто не может помочь ему одолеть болезнь»⁸¹.

17 июля 1945 г. общее собрание Академии наук удовлетворило просьбу В. Л. Комарова. Академики В. П. Волгин, В. А. Обручев, В. Н. Образцов говорили о его значительных заслугах перед советской наукой, общее собрание выразило Комарову признательность за его многолетнюю и плодотворную деятельность по руководству Академией наук⁸².

Президентом Академии наук был избран выдающийся ученый и авторитетный руководитель С. И. Вавилов (92 голосами из 94). Академик И. П. Бардин сказал, что С. И. Вавилов «был единственным и естественным кандидатом на этот пост»⁸³: в нем сочетались все основные качества организатора и руководителя советской науки послевоенного периода.

5 декабря 1945 г. академик В. Л. Комаров скончался. Академик Л. Д. Шевяков так отзывался о нем: «Владимир Леонтьевич во все свои суждения по работе Комиссии вкладывал столько души, убежденности, страстности, что он не только вдохновлял всех нас, я бы сказал, будил нашу совесть ученых»⁸⁴.

Академик М. В. Келдыш, президент Академии наук в 1961—1975 гг., отмечал: «Имя академика В. Л. Комарова находится в ряду славных имен выдающихся ученых и организаторов советской науки»⁸⁵.

О. Ю. Шмидт руководил Институтом теоретической геофизики. После реэвакуации в 1943 г. по его инициативе структура института была усовершенствована⁸⁶. С 1944 г. у него месяцами держалась высокая температура (туберкулез — последствие полярных экспедиций)⁸⁷. В 1948 г. он передал руководство институтом Г. А. Гамбурцеву. Последние годы жизни Шмидт боролся с тяжелой болезнью и продолжал совершенствовать свою «метеоритную гипотезу» образования планетной системы, выдвинутую им в 1944 г.⁸⁸ 7 сентября 1956 г. академик О. Ю. Шмидт скончался.

¹ Левшин Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М. 1983. С. 68.

² См. об этом: Там же. С. 26.

³ См.: Костюк В. В. Академия наук СССР в годы войны // Вестн. РАН. 2005. Т. 75, № 11. С. 977.

⁴ Оноприенко В. И., Щербань Т. А., Луговской А. Г. и др. Создатели новой техники в Украинской ССР. Киев, 1991. С. 94—95; Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Хроника событий. Киев, 1985. С. 251.

⁵ См., например: Академическая наука Урала: очерк истории. Екатеринбург ; СПб., 2007. С. 160; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 197. Л. 52. В литературе приводятся и другие данные: «Президент Академии наук В. Л. Комаров и группа из 58 академиков и членкоров расположились в Свердловске» (Костюк В. В. Указ. соч. С. 977); «В Свердловске сосредоточились 40 научно-исследовательских институтов, филиал Академии наук с 82 академиками» (Хлопунов В. Так диктовало время // Полит. агитация. Свердловск. 1979. С. 22).

⁶ См.: Академическая наука Урала: очерк истории. С. 159.

⁷ См.: Левшин Б. В. Советская наука... С. 28, 41.

⁸ См.: Кольцов А. В. В. Л. Комаров и Академия наук СССР. Л., 1972. С. 33; Колмов Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР : кратк. ист. очерк. М. 1974. С. 302—307, 316—323.

⁹ Скрыбин К. И. Моя жизнь в науке. М., 1969. С. 331.

¹⁰ Маркелова Л. П. Оружием творчества. М., 1987. С. 87.

-
- ¹¹ Садовский М. А. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2004. С. 215.
- ¹² Садовский М. А. Там же. С. 215.
- ¹³ См.: Дуэль И. И. Линия жизни. М., 1977. С. 70—71;
Матвеева Л. В. Отто Юльевич Шмидт (1891—1956). М., 1993. С. 169.
- ¹⁴ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 227.
- ¹⁵ Дуэль И. И. Линия жизни. С. 71—72.
- ¹⁶ Цит. по: Лит. газета. 1988. 16 марта.
- ¹⁷ См.: Левшин Б. В. Советская наука... С. 28.
- ¹⁸ Вернадский В. И. Пережитое и передуманное. М., 2007. С. 125.
- ¹⁹ Маркелова Л. П. Указ. соч. С. 87.
- ²⁰ См.: Поступальская М. И., Ардашникова С. Д. Обручев. М., 1963. С. 372 — 382.
- ²¹ Шевяков Л. Д. Люди науки на Урале в дни войны // Ист. архив. 1961. № 1. С. 93—94.
- ²² Левшин Б. В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1966. С. 24.
- ²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 228—229.
- ²⁴ См.: Пустовалов И. С. В едином строю. Хроника деятельности Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. // Урал. 1985. № 3. С. 132.
- ²⁵ См.: Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): Очерки. Воспоминания. Документы. М., 1996. С. 254—256. Дата создания Комиссии по мобилизации (29 августа 1941 г.) в исторической традиции устоялась. Однако протокол собрания помечен 30 августа. Возможно, Комиссия работала 2 дня. Е. Н. Колосова в обзоре архивных фондов УФАНа периода войны приводит еще одну дату образования Комиссии — сентябрь 1941 г. (Колосова Е. Н. УФАН в годы войны. О том, что сохранили архивные фонды Уральского отделения // Вестн. УрО РАН. 2005. № 1(11). С. 60). И. С. Пустовалов в марте 1942 г. с точностью до дня не фиксировал дату образования Комиссии: «В конце августа 1941 г. Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на оборону начала работу» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 229). А в воспоминаниях 1985 г. привел устоявшуюся точную дату: «29 августа 1941 г. ... первое организационное заседание Комиссии» (Пустовалов И. С. Указ. соч. С. 131—132). Разной в датах свидетельствует об одном: создание Комиссии — процесс, на наш взгляд, он занял период с 29 августа по 10 сентября 1941 г.
- ²⁶ Левшин Б. В. Академия наук СССР. С. 24—25.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 229.
- ²⁷ См.: Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 257—260.

- ²⁸ Там же. С. 263—264.
- ²⁹ Там же. С. 264—271.
- ³⁰ Гракина Э. И. Ученые — фронту, 1941 — 1945. М., 1989. С. 70—72; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 1—216.
- ³¹ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 230; Оп. 36. Д. 92. Л. 26—27.
- ³² См.: Там же. Оп. 31. Д. 159. Л. 232.
- ³³ Маркелова Л. П. Указ. соч. С. 97. Мезенцев В. Бардин. М., 1970. С. 137; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 230—232.
- ³⁴ Левшин Б. В. Советская наука... 1983. С. 69.
- ³⁵ Там же. С. 68.
- ³⁶ См.: Гракина Э. И. Указ. соч. С. 25; Маркелова Л. П. Указ. соч. С. 61—62.
- ³⁷ Левшин Б. В. Советская наука... С. 68.
- ³⁸ Там же. С. 68—69.
- ³⁹ Там же. С. 65; см. также: Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. С. 238.
- ⁴⁰ См.: Маркелова Л. П. Указ. соч. С. 61—63, 72.
- ⁴¹ Садовский М. А. Указ. соч. С. 213—214.
- ⁴² Левшин Б. В. Академия наук СССР. С. 37.
- ⁴³ Левшин Б. В. Советская наука... С. 70.
- ⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 228.
- ⁴⁵ Там же. Л. 231—232.
- ⁴⁶ Матвеева Л. В. Отто Юльевич Шмидт. 1891—1956. М., 1993. С. 172.
- ⁴⁷ Там же. С. 169.
- ⁴⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 232.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Левшин Б. В. Советская наука... С. 69; Савельев В. М., Савин В. П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 71.
- ⁵¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Там же. Л. 227.

-
- ⁵² См. об этом: *Левшин Б. В.* Академия наук СССР... С. 38; *Его же.* Советская наука... С. 71; *Савельев В. М., Савин В. П.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М. 1974. С. 69; *Скрябин К. И.* Моя жизнь в науке. М. 1969. С. 321; *Матвеева Л. В.* Указ. соч. С. 170—172.
- ⁵³ *Матвеева Л. В.* Указ. соч. С. 170—172.
- ⁵⁴ *Садовский М. А.* Указ. соч. С. 214—215.
- ⁵⁵ Там же. С. 237.
- ⁵⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 230—234.
- ⁵⁷ *Гракина Э. И.* Ученые — фронту. 1941 — 1945. М. 1989. С. 71.
- ⁵⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 82. Л. 70, 78—79.
- ⁵⁹ *Левшин Б. В.* Академия наук СССР. С. 26.
- ⁶⁰ Там же. С. 26—30; см. также: Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. С. 280—281.
- ⁶¹ *Савельев В. М., Савин В. П.* Указ. соч. С. 76.
- ⁶² *Костюк В. В.* Указ. соч. С. 981.
- ⁶³ *Коськин Е. Н., Шерстянников Н. А.* Деятельность ученых-геологов по развитию минерально-сырьевой базы страны в 1941 — 1945 годах // История СССР. 1985. № 1. С. 48.
- ⁶⁴ *Левшин Б. В.* Советская наука... 1983. С. 46—47, 70—71; Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. С. 40, 117.
- ⁶⁵ *Черешнев В. А.* Наука Урала: все для фронта, все для Победы. С. 985—986.
- ⁶⁶ *Гладышев А. В.* Вячеслав Петрович Волгин (1879—1961) // Портреты историков. Т. 4 : Новая и новейшая история. М., 2004. С. 91; *Гракина Э. И.* Ученые — фронту. С. 184—185, 195—197.
- ⁶⁷ *Шевяков Л. Д.* Люди науки на Урале // Ист. архив. 1961. № 3. С. 213.
- ⁶⁸ *Терпигорев А. М.* Воспоминания горного инженера. М., 1956. С. 227.
- ⁶⁹ *Артоболевский И. И.* Жизнь и наука: воспоминания. М., 2005. С. 210.
- ⁷⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 104. Л. 98—105.
- ⁷¹ *Скрябин К. И.* Указ. соч. С. 327—328.
- ⁷² *Гракина Э. И.* Указ. соч. С. 185.
- ⁷³ Там же.

- ⁷⁴ Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. С. 244; Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны. С. 329, 494.
- ⁷⁵ *Шевяков Л. Д.* Люди науки на Урале // Ист. архив. 1961. № 4. С. 181.
- ⁷⁶ *Поступальская М., Ардашникова С.* Указ. соч. С. 379.
- ⁷⁷ См.: *Кольцов А. В. В. Л. Комаров и Академия наук СССР // Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова (1869—1969). Л., 1972. С. 33.*
- ⁷⁸ *Левшин Б. В.* Советская наука... С. 143—144.
- ⁷⁹ *Левшин Б. В.* Академия наук... С. 178—179.
- ⁸⁰ *Гракина Э. И.* Указ. соч. С. 80.
- ⁸¹ *Скрябин К. И.* Указ. соч. С. 357.
- ⁸² Правда. 20 июля 1945.
- ⁸³ См.: *Келлер В.* Сергей Вавилов. М., 1975. С. 235; *Кривоносов Ю. И.* «Письма к самому себе»: Неизвестный С. И. Вавилов // Человек. 2005. № 1. С. 74.
- ⁸⁴ Цит. по: *Шевяков Л. Д.* Люди науки на Урале // Ист. архив. 1961. № 3. С. 208.
- ⁸⁵ *Келдыш М. В.* Пример служения Родине, науке // Правда. 1969. 13 окт.
- ⁸⁶ *Матвеева Л. В.* Указ. соч. С. 180.
- ⁸⁷ *Дуэль И. И.* Указ. соч. С. 67.
- ⁸⁸ *Гамбурцев А. Г., Гамбурцева Н. Г.* Григорий Александрович Гамбурцев, 1903—1955. М., 2003. С. 166.; *Грэхэм Л. Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. М., 1991. С. 380—382.